

Перевод с английского
Валерия Минусина

Среди моих предков не было знаменитостей. Так что я могу не бояться обвинения в тщеславии, если последую старой доброй традиции и предварю рассказ о себе рассказом о них.

Из восьми моих прапрадедов трое — англичане, двое — шотландцы, ирландец, валлиец и — единственная экзотическая кровь — гугенот, столетие назад пустивший корни в Гемпшире; трое были адвокатами, двое военными, остальные — священник, математик и художник. Лишь о четверых что-то известно; от других сохранились просто имена: С.П. Бишоп, который умер в чине подполковника Бенгальской армии, оставив кучу детей (старый вояка принимал участие в большинстве кампаний в Индии в первой трети девятнадцатого века), Томас Рабан, который адвокатствовал в Калькутте, и Джон Саймс, занимавшийся тем же в Бридпорте. О четвертом, который, по моим предположениям, был военным, трудно сказать что-то определенное. Он умер молодым, кажется, в Индии. По общему мнению, он принадлежал к роду Мэхонов из Строкстауна, что в графстве Роскоммон, провинция Коннахт, которые были в одночасье возведены в дворянство во времена Англо-ирландской унии (второй и последний пэры умерли, будучи душевнобольными и бездетными) и больше известны по убийству в 1847 году главы их клана Дэниса Мэхона. Мой прапрадед принадлежал к предыдущему поколению; возможно, он приходился Дэнису дядей, но после уничтожения в 1922 году дублинского архива проверить это не представляется возможным. Моя прабабка при крещении получила имя Теодосия, в честь сестры первого барона. Видимо, в раннем детстве она осталась сиротой, поскольку воспитывалась в доме боевого друга отца, генерала Прайса, в Бате. Генерал служил в Индии, и ее отправили подыскивать себе мужа туда же. Она вышла за моего прадеда, служившего в чине майора в войсках Ост-Индской кампании, который вскоре после рождения моего деда умер от холеры.

С Теодосией связана малоизвестная семейная тайна. Ее имя редко упоминалось в разговорах. У меня есть миниатюра с ее портретом, сделанная во время ее короткого вдовства; она изображена в черном бархатном платье с глубоким вырезом, в ожерелье из черного янтаря и в черных нитяных перчатках. Черные локоны, ослепительно белая кожа. На лице играет самоуверенная улыбка, взгляд прекрасных глаз маячит — ей недолго пришлось ждать

умершей матери), которые он тайком хранил у себя, а ложась спать, прятал под подушку, пока его не накрыли с поличным. От второго брака у Теодосии было двое детей, но моему деду никогда не позволяли видеться с его папистскими братьями и сестрами.

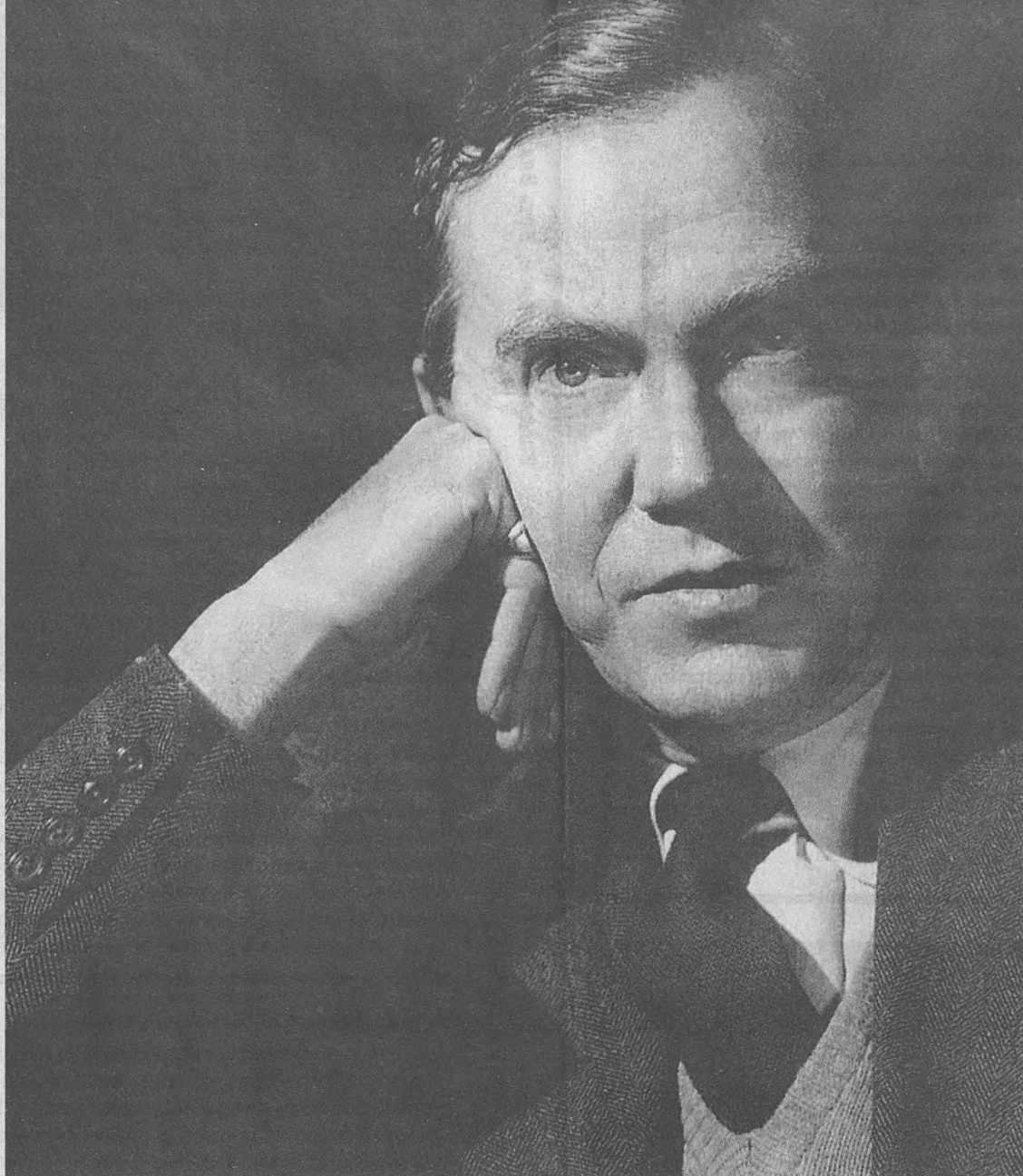
Об упомянутом выше Джоне Саймсе в семейных преданиях сохранилась любопытная история; однажды он услышал во сне голос, приказавший ему: «Вставай и отправляйся в Лончестон!» Он, как водится, воспринял это скептически и повиновался только тогда, когда голос приказал ему в третий раз. От Бридпорта до Лончестона ни много ни мало восемьдесят миль. Провидение позаботилось, чтобы он не встретил препятствий на своем пути и нашел лодочника, который еще не спал и готов был перевезти его через реку, а у трактира — запряженную карету. Он прибыл в Лончестон как раз вовремя, чтобы попасть на выездную сессию суда присяжных, узнал в подсудимом, обвиняемом в убийстве, моряка, с которым разговаривал в Плимуте в ночь совершения преступления, и таким образом обеспечил ему алиби. Моя прабабка и ее дочь любили возвращаться к этой истории. Одна из моих теток даже изложила ее в виде рассказа. Правдивая или выдуманная, она мало что приоткрывает в этой загадочной личности; еще меньше она намекает на передающийся по наследству дар или недостаток.

Род Саймсов пресекался со смертью сэра Стюарта Саймса, одно время бывшего генерал-губернатором Судана. Он пережил своего единственного сына, погибшего на поле боя в 1944 году.

Другие четверо предков удостоились внимания биографов и портретистов.

Первым был Александр Во (1754–1827), доктор богословия, был священником Шотландской сецессионистской церкви, которая возникла в 1733 году. Приверженцы ее большей частью были фермеры, согнанные со своей земли, и крестьяне-поденщики, верившие, что пресвитерианство, ценой больших усилий установленное в 1690 году, предало революцию Джона Нокса тем, что было нетвердо в догматах и отказало от права самостоятельного назначения на церковные должности.

Отец Александра Во, Томас, присоединился к Сецессии. Он владел довольно скромной фермой Ист-Гордон в бесплодной гористой местности близ Гринлоу в графстве Берикшир, как и четыре, а может, и больше, поколения его предков. Но он был последним в роду ее хозяином; его старший сын Томас, унаследовав ферму, продал ее и приобрел другую, обширней и расположенную в местах

Ивлин Во

Насмешник

Только в «Известиях» впервые на русском языке читайте отрывок из мемуаров одного из самых знаменитых британских писателей XX века Ивлины Во «Насмешник». «Только потеряв всякий интерес к будущему, человек созревает для написания автобиографии», — пишет Во в начале своей книги, за которую он принял незадолго до смерти. Полностью мемуары выйдут в издательстве «Вагриус» на следующей неделе.

не в силах понять тех, кто, не движимый родственными чувствами, читает ее сегодня, но за всей его бросающейся в глаза выпендриваемостью и протестантской экспансивностью можно увидеть личность примечательную и внушающую полное доверие.

В этом непоколебимом калвинисте не было ни капли суровости. Он был высок ростом и хорош собой, в юности похож на атлета, а в старости — на патриарха. Все в один голос говорят, что он был человеком сердечным, радужным, щедрым, ласковым, обладающим чувством юмора и чрезвычайной снисходительностью в суждениях. Он играл на скрипке, получал удовольствие от вина и купания в море, был очень наблюдательным путешественником. Широко образованный, он был знаком античных авторов и теологией, той ее ветви, которой был приверженцем. Когда во время Амьенского перемирия он на несколько недель оказался в Париже, то, похоже, не испытывал никаких трудностей при общении с французами. Он был неуловимо верен догматам его секты, но без малейшего намека на яростный фанатизм. Беззастенчиво исполнял свою роль духовного пастыря. Было подсчитано, что всего он прочел семь тысяч семьсот шесть проповедей.

И, уединяясь для молитвы, молился долго и горячо.

Его приходом был весь Лондон, а прихожане — по большей части бедствовавшие иммигранты. Их, днем занятых добычей хлеба насущного, он регулярно навещал по вечерам, пешком обходя дом за домом по темным улицам. Его проповеди и наставления написаны на безупречном английском, но в узком кругу он с удовольствием возвращался к диалекту своей юности, не переставая горячо любить Шотландию все время своей долгой ссылки. Почти каждый год он садился на корабль и отправлялся навещать родные края. В его доме на Солсбери-плейс собирались его соотечественники, постоянно жившие в Лондоне,

для которых он был не только духовным отцом, но также и банкиром, и агентом по трудоустройству, и вспомоществователем, и гостеприимным хозяином. Одна из его дочерей свидетельствует с единственными намеком на иронию, который позволяет себе, как биограф: «Ничуть не погрешив против истины, можно сказать о моем отце, что он был «помешан на гостеприимстве», и это тогда, когда проявление сей добродетели не диктовалось острой необходимостью или было нескладицей. Его дом, хотя и небольшой, где его собственная семья едва умещалась, всегда был открыт для собратий, особенно одного с ним вероисповедания, из Шотландии; но стоило ему получить известие об их намерении прибыть в Лондон, как он, словно предварительно все обсудив с домашними (чем никогда особенно не утруждал себя), спешил предложить им с искренностью, в которой невозможно было усомниться, семейный стол и кров; хотя пастырские обязанности неизбежно заставляли его постоянно отлучаться днем из дому, так что он редко когда имел удовольствие наслаждаться их обществом или возможностью доминировать их сердечными предложениями помощи иначе, как только по возвращении поздно вечером».

Память о сколь многих утомительно скучных днях, потраченных на то, чтобы развлечь беседой ошеломленных столцей неотесанных иммигрантов-сецессионистов, содержит в себе эта короткая ироничная запись!

Его священническое жалование было ничтожным, но он имел бездетного сынка, Джона Нейлла, тоже шотландца, который приехал в Лондон примерно в одно с ним время, открыл в деловом центре города, на Суррей-стрит, контору по торговле зерном и стал состоятельным человеком. Емко мой прапрадед был обязан тем, что его биографы характеризуют как «постоянную и тактичную заботу о том, чтобы он жил с комфортом». После своей смерти Нейлл оставил все свое

состояние в сто пятьдесят тысяч фунтов племянникам и племянницам в доверительное управление до совершеннолетия их детей. В последующие сто лет это наследство разделилось на исчезающе малые крохи, но первому поколению оно обеспечило солидную основу «жизни с комфортом».

Красоты Шотландии преследовали доктора Во как навязчивое. Кажется, редкое его публичное выступление не предварялось экзотическим пассажем о сем предмете. Всех своих сыновей, кроме одного, он отправил учиться в шотландские школы и университеты, но никто из них не вернулся на родовую их ферму; лишь один принял духовный сан, но вскоре умер. Трое оставшихся англизировались и женились на англичанках. Мой прадед, как потом окажется, стал священ-

Моя прабабка при крещении получила имя Теодосия. С ней связана малоизвестная семейная тайна

ником англиканской церкви. Его братья пошли по коммерческой части и добились успеха. Один, получивший медицинское образование, верно распустил, что, занимаясь фармацевтикой, можно заработать больше, он держал крупную аптеку на Риджент-стрит, имел дом в Кенсингтоне, загородную виллу в Лестерхеде, украшением которой были три его красавицы дочери, из которых старшая вышла замуж за Томаса Вулнера, скульптора; две другие поочередно (причем младшая — не считаясь с англиским законом) вышли за Холмена Ханта. Рассказ о младшей в годы ее вдовства можно найти в занятой книге мемуаров Дианы Холмен Хант (миссис Катберт) «Моя бабушка и я». Не знаю, чем занимался другой его брат. Но наверняка он был достойным гражданином, поскольку в 1849 году был владельцем крупного портновского дела <...>.

Томас Карлайл впервые приехал в Лондон, когда мой прапрадед был уже стар и хвор.

Спустя сорок лет он написал в поздравлении Томасу Вулнеру по случаю его помолвки: «В прежние времена мне доводилось много слышать о докторе Во, почитавшемся за оракула всеми шотландцами, жившими в этом чужом для них Лондоне, и о котором много говорили у него на родине в кругах религиозных диссидентов, — я по-прежнему считаю его прекрасным, умным, достойнейшим человеком».

Мой прапрадед никогда не стремился расширить сферу собственной деятельности за пределы своей общины; он был заметной личностью в окружавшем его мире невежества. И свидетели его высокой эрудиции и культуры были не слишком строгими критиками. Думаю, он вряд ли блистал бы в компании двух других моих славных предков, Уильяма Моргана и Генри Кокберна.

Уильям Мрган (1750–1833) обосновался в Лондоне десятью годами раньше доктора Во и жил там во все годы священнического служения последнего. Можно с уверенностью сказать, что они никогда не встречались. У них не было ничего общего. По роду занятий Мрган был унитаристским священником, в душе же, возможно, атеист. Александр Во не принадлежал ни к какой политической партии, но питал отвращение к Французской революции и в своем дневнике описывал Робеспьера как «самое гнусное, кровавое чудовище»; симпатии же Моргана к якобинцам были общезвестны, так что в 1794 году ему грозила опасность быть обвиненным в государственной измене. Он был в тесной дружбе с Фрэнсисом Барлеттом и Томом Пейном и завещал своим наследникам как священную реликвию рукописи Хорна Тука с выпуклой надписью на них «Клуб реформистов». (Теперь они принадлежат мне.)

Он был хром и умен. Лоуренс изобразил Моргана на портрете анфас в выгодном свете, придав ему задушевный, почти поэтический вид, но его резной профиль на слоновой кости свидетельствует, что он имел длинный нос и торчащую вперед нижнюю губу, что придавало его лицу презрительное выражение.

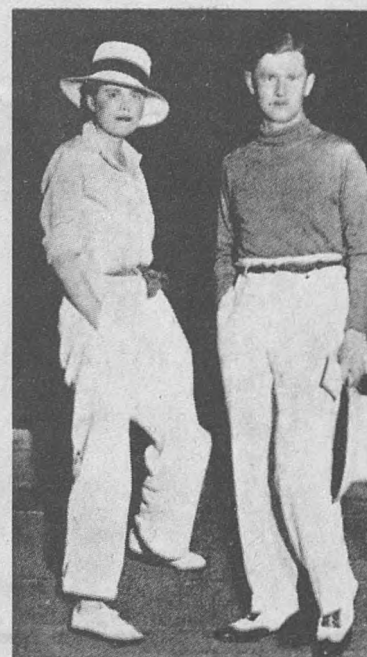
Он происходил из древнего, но обедневшего рода валлийских мелкопоместных дворян, беспрочно, имевшего право на герб и еще сохранившего несколько родовых земельных пассажей под Бриджентом. В одном из них, Тилирроке, он отправил учиться в шотландские школы и университеты, но никто из них не вернулся на родовую их ферму; лишь один принял духовный сан, но вскоре умер. Трое оставшихся англизировались и женились на англичанках. Мой прадед, как потом окажется, стал священ-

Моя прабабка при крещении получила имя Теодосия. С ней связана малоизвестная семейная тайна

ником англиканской церкви. Его братья пошли по коммерческой части и добились успеха. Один, получивший медицинское образование, верно распустил, что, занимаясь фармацевтикой, можно заработать больше, он держал крупную аптеку на Риджент-стрит, имел дом в Кенсингтоне, загородную виллу в Лестерхеде, украшением которой были три его красавицы дочери, из которых старшая вышла замуж за Томаса Вулнера, скульптора; две другие поочередно (причем младшая — не считаясь с англиским законом) вышли за Холмена Ханта. Рассказ о младшей в годы ее вдовства можно найти в занятой книге мемуаров Дианы Холмен Хант (миссис Катберт) «Моя бабушка и я». Не знаю, чем занимался другой его брат. Но наверняка он был достойным гражданином, поскольку в 1849 году был владельцем крупного портновского дела <...>.

Пятилетний Ивлин Во с матерью. 1908 г.

На пикнике с первой женой Эвелин накануне развода. Начало 1930-х.

Со второй женой Лаурой в Лондоне. Конец 1930-х.

Ивлин Артур Сент Джон Во (Waugh, Evelyn Arthur St. John) — английский писатель, родился 28 октября 1903 года в Лондоне в литературной семье. Его отец Артур Во был эссеистом и издателем, а старший брат Алек — прозаиком, автором многочисленных путевых очерков. Окончив Оксфордский университет, Во преподавал в двух частных школах. И тогда же написал свой первый роман «Упадок и разрушение» (Decline and Fall, 1928). Во время работы над вторым романом — «Мерзкая плоть» (Vile Bodies, 1930) Во сменил веру и перешел в католичество. В ознаменование своего обращения впоследствии он написал книгу-биографию «Эдмунд Кампион, иезуит и мученик» (Edmund Campion, Jesuit and Martyr, 1935).

В 1930-е годы Во много путешествовал по Европе, Африке и Центральной Америке. Итогом этих путешествий стали путевые записки «Ярлык» (Labels, 1930), «Далекое люди» (Remote People, 1932), «Девяносто два дня» (Ninety Two Days, 1934), «Во в Абиссинии» (Waugh in Abyssinia, 1935) и серия комических романов «Черная напасть» (Black Mischief, 1932), «Пригоршня праха» (A Handful of Dust, 1934) и «Сенсация» (Scoor, 1938). Во время Второй мировой войны Во служил в морской пехоте и в десантно-диверсионных частях, получил звание капитана, со специальным заданием побывал в Югославии. Война вдохновила его на создание одного из самых смешных его романов — «Не жалейте флагов» (Put Out More Flags, 1942) и послужила основой его самого католического произведения — трилогии «Вооруженные люди» (Men at Arms, 1952), «Офицеры и джентльмены» (Officers and Gentlemen, 1955) и «Безоговорочная капитуляция» (The End of the Battle, 1962). После войны Во написал «Незабвенную» (The Loved One, 1948), язвительное описание жизни Голливуда, политическую сатиру «Современная Европа Скотта-Кинга» (Scott-King's Modern Europe, 1949) и «Испытание Гилберта Пинфолда» (The Ordeal of Gilbert Pinfold, 1957). Незадолго до смерти Во закончил первый том автобиографии «Недоучка» (A Little Learning, 1964). Умер Во у себя дома в Тонтоне (графство Сомерсетшир) 10 апреля 1966 года.

Среди моих предков не было знаменитостей. Так что я могу не бояться обвинения в тщеславии

нового претендента на ее руку. Мне она интересна тем, что единственная среди моих предков по прямой линии принадлежала к Римско-католической церкви. Уж не знаю, как это получилось. Непостижимый случай для семьи англо-ирландских протестантов. По ее лицу не скажешь, чтобы она была похожа на рьяных новообращенных.

Возможно, второй ее муж, Девениш, был католиком. То, что она переменила веру, заставило ее невестку (после того, как Теодосия вторично вышла замуж) забрать моего деда, когда он был маленьким, к себе, под свою опеку. Матери эти ее двоюродные бабки запомнились тем, что в виде примера коварного характера католиков приводили моего деда, рассказывая, как, много лет затратив на перевоспитание мальчишки, они обнаружили у него четки (что, пожалуй, свидетельствовало о приверженности не столько прежней вере, сколько памяти об

не столь суровых, на берегах Тивда под Мелроузом, а его сын эмигрировал в Австралию.

Мой прапрадед получил духовное образование в Эдинбурге и Абердине. В 1782 году, когда ему было двадцать восемь, его направили служить в Лондон, в методистскую церковь, ныне снесенную, на Уэллс-стрит, что примыкает к Оксфорд-стрит, где он и прослужил до конца жизни. Он стал одним из самых известных проповедников-диссидентов своего времени, вел широкую общественную деятельность и среди прочего способствовал основанию Лондонского миссионерского общества и Диссидентской школы латинской грамматики в Милл-Хилл.

Его биография, составленная двумя его коллегами, пользовалась большой популярностью; труд этот, преследующий исключительно просветительскую цель, содержит выдержки из его проповедей, писем и дневников и свидетельства множества его почитателей. Я